

№169 б

№169 б

И. МИЛЮТИНЪ.

ВОДОВОРОТЬ

ДУМЫ И ТЕМЫ

ПО ПОВОДУ ДРАМЫ „ВЛАСТЬ ТЬМЫ“

Л. Н. Толстого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39
1888.

79

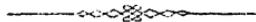
95 $\frac{1}{400}$

И. Милютинъ.

ВОДОВОРОТЬ.

ДУМЫ и ТЕМЫ

по поводу др. „ВЛАСТЬ ТЬМЫ“ Л. Н. Толстого.

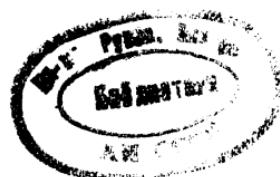

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польга“, Б. Подъяческая, № 39.

1888.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Апрѣля 1888 г.

ВОДОВОРОТЪ

СРЕДИ ЖИЗНЕННОЙ РѢКИ.

ДУМЫ И ТЕМЫ

(по поводу драмы «ВЛАСТЬ ТЬМЫ» Л. Н. Толстого).

«..... Многіе послѣдуютъ ихъ разврату, и чрезъ нихъ путь истины будетъ въ попошениі.
Изъ посл. сс. ап. Петра».

Драма „Власть тьмы“ Л. Н. Толстого не перестаетъ служить предметомъ, бьющимъ по нервамъ до сотрясенія всего существа человѣка.

Недавняя постановка этого произведенія на сценѣ „свободнаго театра“ въ Парижѣ напомнила намъ, русскимъ, снова о немъ. Тамъ эта драма произвела удручающее впечатлѣніе на французовъ, будучи мастерски поставленной на сценѣ, а у насъ она, эта драма, произвела еще болѣе тяжелое и глубокое впечатлѣніе только при одномъ чтеніи ея.

По всему видно, что тутъ, помимо литературныхъ качествъ,— которыхъ мы не беремся, да и невправѣ разбирать, какъ предметъ, не подходящій къ нашимъ силамъ,— есть такая глубина и сила въ живомъ изображеніи ни чѣмъ не прикрытой дѣйствительности, что невольно задаешь себѣ вопросъ, въ испугѣ за самаго себя: да что же авторъ всею этою драмою хотѣлъ сказать? навѣрное онъ, преподнося ее намъ хотѣлъ сказать: на те, смотрите, вотъ куда мы пришли всею своею жизнью? или онъ, быть можетъ,

только представить намъ одинъ изъ выдающихся страшныхъ эпизодовъ изъ сельской жизни и тѣмъ думалъ потрепать безъ того растрепанные нервы? Или же онъ исходилъ изъ своей догмы и хотѣлъ представить самое рѣзкое доказательство того, вотъ-де что значитъ слѣдоватъ ученію Христа (Акимъ Митричъ), и что значить слѣдоватъ ученію міра (Петръ, Анисья, Никита, Акулина). Но какъ бы то ни было, а этими вопросами задѣваются такие вопросы, надъ которыми стоитъ призадуматься и достойно поработать мыслящему и практическому міру. Но покуда обратимся къ драмѣ, съ цѣллю провѣрки ея съ дѣйствительностью, чтобы затѣмъ представить читателю наши выводы.

I.

По первомъ прочтеніи въ свое время драмы „Власть тьмы“, этого потрясающаго душу произведенія, мы долго были удручены общимъ впечатлѣніемъ, которое произвело на насъ представленное въ этой драмѣ и видимо начинающееся разложеніе семьи, рядомъ съ ослабленіемъ семейнаго начала, этой основы общества и государства. Разложеніе это, и въ драмѣ и въ дѣйствительности, такъ глубоко стало проникать въ общую жизнь населенія, что становится немножко страшно за наше будущее,—тѣмъ болѣе, что оно происходит не столько отъ власти тьмы, какъ многіе усматриваютъ, сколько отъ власти мишурного свѣта, который въ составныхъ своихъ частяхъ содержитъ значительную долю зачатковъ мрака.

Сверхъ характеристики нравовъ и представлений въ живыхъ образахъ пошатнувшейся семьи и блуждающей около нея среды, авторъ раскинулъ передъ нами весьма печальную картину и установилъ фактъ несомнѣннаго перехода крестьянства отъ полупатріархальнаго быта, державшагося на основѣ безхитростной русско-церковной цивилизациіи, — къ новой беспочвенной жизни, среди которой, естественно, человѣкъ, не пмѣю-

щій ни нравственной, ни религіозной опоры, будучи окружень современнымъ туманомъ, можетъ каждочасно не только попатнуться, но и провалиться въ бездну пороковъ. Выше приведенные положенія вдвойнѣ вызываютъ на размышеніе, на думу, ибо выходитъ по драмѣ, что какъ будто народная масса окружена безъисходнымъ мракомъ и среди нея, вместо жизни, царить мерзость запустѣнія. Если и видны свѣтлыя точки, то онѣ рѣдки и при томъ находятся наканунѣ исчезновенія.

Зная давно лично крестьянство, его хорошія и слабыя стороны, въ его семейномъ, общественномъ и промышленномъ быту, но не уходя такъ глубоко, какъ могъ проникнуть своимъ гениемъ авторъ, во внутреннія изгибы и складки его жизни, нельзя было по внѣшности, по обыденнымъ отношеніямъ, представить себѣ о существованіи въ недрахъ этой жизни такого хаоса, такой взаимной беспомощности. Это-то явленіе и обстоятельство и побудило насъ углубиться въ смыслъ и цѣль драмы, въ сопоставленіе ея съ проявленіями современной дѣйствительности и выяснить себѣ суть этихъ явленій и причины ихъ происхожденія. Но мы решаемся попытаться это сдѣлать не съ точки зрѣнія критика, а просто съ точки зрѣнія опыта и продолжительнаго наблюденія.

Приведенные положенія невольно наводятъ на размышеніе, на вопросъ: откуда же и отчего въ самомъ дѣлѣ явилось нынѣ, въ вѣкъ просвѣщенія, въ сугубой степени власть тьмы въ средѣ простаго сельскаго населенія? Однако, лучше пройдемъ мы драму, во слѣдъ дѣйствующихъ лицъ, представленныхъ авторомъ въ такихъ ясныхъ, живыхъ образахъ: не дадутъ ли они намъ какого либо объясненія на эти торчащіе передъ нами вопросы? а затѣмъ уже поищемъ дальнѣйшихъ объясненій въ самой дѣйствительности: не укажетъ ли она намъ практическіе пути къ выходу изъ обуявшей настѣнѣ власти тьмы, если только эти слова опредѣляютъ вѣрно настоящее наше положеніе.

II.

Вотъ дѣйствующія лица, обстановка и ходъ драмы. Главнымъ лицомъ, которое послужило основой, исходной точкой для автора, очевидно является Петръ, около которого вращается все дѣйствіе. Петръ, 45 л., крестьянинъ, зажиточный, трудящійся, бережливый, но болѣзненный, полагавшій по преимуществу всѣ свои надежды на свое материальное благосостояніе; — онъ очень дорожилъ своей степенностью, все жилъ хорошо, покуда не нарушилъ свое жизненное равновѣсіе тѣмъ, что женился вторымъ бракомъ на Анисьѣ, женщинѣ молодой, 32 л., здоровой, жизнерадостной, не имѣющей въ себѣ нравственного регулятора, уравновѣшивающаго естественные движения ея натуры съ слабымъ движениемъ духовной ея стороны, и съ этой женитьбой жизнь его приняла другой оборотъ, стала расхлябываться и придвигать его ускоренными шагами къ могилѣ.

Анисья, баба безъ религіозныхъ и нравственныхъ устоевъ, способная податься въ любую сторону, все смотря по тому, въ какихъ условіяхъ будетъ находиться ея жизнь. Случись же, на грѣхъ ея, такая обстановка: съ одной стороны у нея мужъ болѣзненный, сдѣлавшій подъ конецъ брюзгливымъ, а съ другой у нея подъ рукой дѣтина молодой Никита, работникъ Петра, и довольно было одного этого, чтобы нарушился ея внутренний міръ, а впослѣдствіи и весь домъ повернулся вверхъ дномъ.

Никита парень живой, подвижной, способный и работать и гулять, пожалуй, подчасъ и подчиниться, въ извѣстной степени, старикамъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ проявленій въ его жизни; но, въ тоже время, онъ, какъ парень разбитной, не даетъ маху тамъ, гдѣ рыба идетъ на огонь, не задумывается при этомъ и нырнуть по глубже. Вообще онъ, пользуясь успѣхомъ среди бабыаго царства, не зналъ себѣ удержу, „ударялъ, по всѣмъ по тремъ, летѣлъ по просторной дорогѣ безъ оглядки, куда-де кричала не вынесеть“.

Акулина, дочь Петра отъ первого брака, глуповатая. Это своего рода деревенскій недоросль, межеумокъ, но будь она въ хорошихъ старушечихъ рукахъ, изъ нея также могла бы выйти полезная дополнительная рабочая сила въ семью; сестра ея Аниота, 12 лѣтъ, еще не опредѣлившаяся.

Въ этихъ лицахъ заключается весь составъ семьи Петра. Домъ его какъ бы полная чаша; у него всякаго добра, какъ говорится, куры не клюютъ. Но, оказывается, не въ этомъ одномъ сила благополучной жизни, нужно еще что-то по существеннѣю.

Въ домѣ, въ семье Петра, не оказывается ни хозяйки, ни жены, ни матери, — есть Анисья, женщина молодая, жаждавшая, по своему, жизни; и вотъ она, за отсутствиемъ внутренняго устоя, бросилась въ объятія привольной жизни, благо очутился объектъ стремленій подъ рукой, въ лицѣ Никиты. Анисья, живя въ связи со своимъ работникомъ, видимо направляетъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ свои думы и мысли къ тому, чтобы по возможности поскорѣе зажить на счетъ зажитковъ Петра, а потому оба они ждутъ не дождутся его смерти, чтобы скорѣе воспользоваться всѣмъ привольемъ.

Благодаря такому фальшивому двусмысленному положенію Петра, въ его семье находить място полутемная сила въ лицѣ Матрены, матери Никиты, которая, пользуясь всѣми слабыми сторонами хозяйки, даетъ полный просторъ своимъ лукавымъ замысламъ. Матрена, какъ женщина ловкая, практическая, словомъ деревенская пройдоха, не знакомая ни съ человѣческимъ чувствомъ, ни съ совѣстью, разъ попавъ въ богатый домъ, не могла не воспользоваться присущей такимъ натурамъ пищей. Тутъ въ зажиткахъ Петра представлялся ей богатый кладъ: ей мерещились, и во снѣ и на яву, и деньги, спрятанныя Петромъ, которая, по ея расчетамъ, должны попасть къ Анисьѣ, а отъ этой послѣдней и къ ея сыну, и то, что вотъ-де и она тѣгда заживеть въ сласть.

Но какъ быть? Петръ живеть да живеть. Между тѣмъ Анисьѣ надоѣло такое житѣе. Матрена горитъ нетерпѣніемъ устроить положеніе сына и свое. И вотъ она (Матрена), полная хладно-

кровія, съ развязностью іезуита, раскидываетъ еще шире свои сѣти, подбиваетъ Анисью не мѣшкать больше и сама помогаетъ ей извести поскорѣе Петра. Пошелъ въ ходъ ядъ въ усиленныхъ дозахъ, и не стало Петра, какъ богатаго мужика и какъ больнаго мужа. Но тутъ еще передъ смертю его нужна была практическая предусмотрительность, дабы Петръ всѣ свои деньги не передалъ потихоньку своей роднѣ. Матрена, понимая все это, лежурить денно и нощно: то, какъ капцѣй, сидѣть, то, какъ зловѣщій воронъ, летаетъ надъ своей предстоящей добычей, словомъ она кружится около денегъ, спрятанныхъ Петромъ, руководя въ тоже время Анисьей, находящейся отъ страха въ полуопѣченномъ состояніи. Наконецъ, Матрена, въ пользу Аниси, слѣдовательно сына и свою, достигаетъ полнаго успѣха.

Такимъ образомъ, Матрена, отправивъ чрезъ Анисью ускореннымъ ходомъ Петра на тотъ свѣтъ, подладила и все добро его Анисьѣ, а эта послѣдняя дѣлается женой Никиты; Никита въ свою очередь—хозяиномъ зажитковъ богатаго мужика, первого на селѣ. Теперь, казалось бы, достигнуто полное счастіе, такое, о какомъ не снилось никому изъ нихъ и во снѣ, а оно на дѣлѣ оказалось: нѣть,—нарушенъ законъ правды и нравственной жизненной логики, которая, какъ показано далѣе, заявила къ нарушителямъ свои требованія.

Какъ только не стало Петра, на мѣсто его первой семьи, жившей такъ или иначе въ прокъ, является, какъ видите, новая семья въ лицѣ Никиты, Аниси, руководимыхъ пройдохой Матреной, семья, полная разнузданности, съ болтающейся среди нихъ Акулиной и подрасташающей рядомъ съ нею Анютой... и что же мы затѣмъ видимъ: съ этой перемѣнной, домъ степенного крестьянина сдѣлался какою-то „мерзостью запустѣнія“.

Этотъ домъ уже теперь представляетъ не полную чашу, а утлый глиняный горшокъ, готовый каждую минуту развалиться.

Въ этомъ домѣ Никита, пользуясь всѣмъ наслѣдствомъ бывшаго своего хозяина, идетъ дальше по вѣтру: онъ приживаетъ съ падчерицей Акулиной ребенка.

Этотъ новый подвигъ производить въ семье новую внутрен-

нюю суматоху, онъ выдвигаетъ жгучій вопросъ: куда дѣть теперь ребенка? Однако, этотъ вопросъ Матрена быстро разрѣшаетъ съ опытностью деревенской мастерицы черныхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что она видѣла въ этомъ случаѣ дѣло, само по себѣ не важное, но все-же непріятное, и, по ея мнѣнію, не хорошо собственно то, что сынъ ея можетъ опозориться, а главное Акулина будетъ обезславленной, можетъ остаться на всегда на хлѣбахъ у сына и быть какъ бѣльмо на глазу. Матрена и тутъ недолго гадала,—у нея живо въ головѣ явился свой планъ: извести младенца, да и только, тѣмъ и дѣлу конецъ. Но какъ?.. и кто осуществить эту звѣрскую задачу? Чего же лучше: Никита, сынъ, подъ рукой, и онъ волей неволей долженъ былъ сдѣлаться дѣтоубийцей. Но Никита, при одной мысли сдѣлаться виновникомъ такого страшнаго преступленія, содрогается всѣмъ своимъ существомъ, а когда нужно было приступить къ исполненію такого преступнаго плана, онъ бросается назадъ, обѣятый необъяснимымъ страхомъ. Это и понятно, потому что, какъ бы ни была разнудана его жизнь, онъ все таки, какъ человѣкъ, по натурѣ своей, не злодѣйскаго склада, не могъ выдерживать роль палача, но мать не давала ему опомниться и прийти въ себя, взвѣсить силу и значеніе преступленія съ ихъ послѣдствіями. Она неудержимо толкаетъ его на задуманное преступленіе, утѣшая его при этомъ тѣмъ, что „это ничего“, все равно: вѣдь во всякомъ случаѣ душенька ребенка младенца безгрѣшная, и потому она прямо пойдетъ въ рай. И такъ, убійство совершено, преступленіе и страшные грѣхи сокрыты отъ властей и отъ людей, но они не могли сокрыться отъ высшей человѣческой правды, не могли улечься и въ совѣсти Никиты. Матрена же къ этому злодѣйскому дѣянію отнеслась съ холодностью инквизитора, затѣмъ принялась приводить въ исполненіе практическую сторону своего плана: чтобы избавить сына отъ Акулины, она пристраиваетъ эту послѣднюю за мужъ такъ, что оказалась и свадьба на чеку.

Что же тутъ теперь въ этомъ, доселѣ бывшемъ степеннымъ, домѣ происходить, при наслѣдіи его молодымъ поколѣніемъ,

предавшемъ подъ вліяніе двухъ теченій, старого и новаго? Въ домѣ этомъ образовался какой-то водоворотъ, въ который втянуло съ разныхъ сторонъ все, что должно было, при другихъ условіяхъ деревенской жизни, плыть мимо, своей струей, по жизненной рѣкѣ. Очевидно, разъ нарушено было жизненное равновѣсіе въ семье, несоразмѣрной жизнью самаго Петра, и когда при этомъ ворота на его дворѣ сдѣлались открытыми настежь, ужъ невозможно удержать жизнь въ ея, установившейся годами, колѣй.

III.

Потомъ авторъ, послѣ того тяжелаго впечатлѣнія, которое производить вся эта потаенная и выведенная наружу машинація, слава Богу, даетъ немножко отдохнуть намъ;—онъ, какъ бы въ противовѣсь этому, выводить на сцену жизни доброго, богобоязненнаго мужичка Акима, мужа Матрены, а за нимъ и Митрича, возвратившагося съ военной службы. Обѣ эти личности предстали предъ нами полными простосердечія, добrolушія и вѣры въ Божіе руководительство; чуткіе къ голосу правды, они стремятся жить по Божьему, но они уже на сей явлюются какъ бы догарающей свѣчей церковнаго свѣта, среди развивающагося мрака.

Присмотритесь къ дѣйствіямъ и понятіямъ Акима: сколько оказывается въ немъ религіозной теплоты и стойкости! Онъ, не смотря на—вращеніе свое въ этой непріглядной средѣ, остается вѣренъ своимъ правиламъ до конца.

Посмотрите, какъ онъ болѣлъ душою и хлопоталъ о томъ, чтобы Никита женился на Маринѣ и тѣмъ т. е. вѣнцомъ прикрылъ бы и грѣхъ, и обиду, и стыдъ, причиненныи имъ дѣвушкѣ, и, по томъ, какъ ему вообще противно было неладное житѣе Никиты; видно, что въ этомъ старикѣ еще не было заглушено христіанское человѣческое чувство и вѣра, которыя въ немъ породила и воспитала церковь. Въ немъ мы видимъ живой образецъ

того простаго сердечнаго вѣрующаго человѣка, каковыи во всѣ времена отличалась русская земля.

Нѣсколько вдали виднѣется, изъ среды бѣдныхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, Марина, потерпѣвшая, отъ соблазна Никиты, грѣхъ. Эта дѣвушка жила гдѣ-то около желѣзной дороги въ услуженіи и познакомилась, вѣроятно случайно, съ Никитой, еще до жития его у Петра, и послѣдствіемъ этого знакомства былъ ребенокъ, который, навѣрно, по общему обычаю, потомъ былъ подкинутъ ими къ какимъ либо бездѣтнымъ супругамъ, или отвезенъ въ воспитательный домъ. Авторъ эти подробности выпускаетъ. Никита, живя съ Анишей, забылъ о Маринѣ и думать. Марина, какъ женщина по природѣ своей толковая, съ честною основою, рѣшилась было безъ огласки попытать напомнить Никитѣ о себѣ; но, видя безуспѣшность своей попытки, она горько сплакавъ, оставила его въ покой, а сама, чтобы не представлять на міру собою соблазна, избѣжать обычнаго укора и очиститься предъ своею пробудившейся совѣстью отъ постигшаго ее искушенія, беретъ на себя тяжелое бремя чужой семьи: выходитъ въ замужество за многодѣтнаго пожилаго вдовца. Этимъ своимъ рѣшеніемъ она какъ бы налагаетъ на себя добровольно эпитетию за свой грѣхъ; въ сущности же, она тутъ дѣйствуетъ по указанію своего простаго разума, рѣшась войти снова въ ту обыкновенную жизненную колею, съ которой она сбилась и которая какъ бы была предопределена ей. Очевидно, что сбилась она со своего естественнаго пути и пошла въ услуженіе частію по нуждѣ, а главнѣйше заманили ее приволье и городскія прелести. Такое побужденіе ея вполнѣ понятно, въ виду той житейской перспективы, которую ей сулило, по общему деревенскому мѣрилу, замужество. Кому не известно, что въ деревнѣ крестьянкѣ бываетъ, среди нѣкоторыхъ семей такъ тяжело, что даже никогда лишнѣй разъ взглянуть на солнце. Жизнь семейной крестьянки почти постоянно бываетъ заслонена отъ дневнаго свѣта грубымъ обыденнымъ деспотизмомъ мужской половины семьи, особенно, когда окружаетъ послѣднюю со всѣхъ сторонъ нужда. Тогда на плечи и на голову бабы взваливается

ужасная сложная обуза по отправлению бытоваго обихода; на обязанности ея лежать и дѣти, и скотъ, и одежда, и, въ значительной степени поле; а возня съ пьянымъ мужемъ, иногда съ такимъ же деверемъ... словомъ—все, что хотите дурнаго. Конечно, такое положеніе не можетъ манить къ себѣ любую неглупую дѣвушку. Между тѣмъ, городъ и бойкія мѣста представляютъ положеніе заманчивое разумѣется только по наружности, а въ сущности выходитъ по пословицѣ: „изъ огня да въ полымя“—.

Возвращаясь къ преемникамъ наслѣдства Петра, вы видите, среди новой, сводной его семьи, не жизнь, а какое-то безъотчетное мученіе; вы видите тутъ броженіе только что очнувшихся, послѣ житейскаго угара, полуразбитыхъ фігуръ, не знающихъ, куда броситься, за что приняться. Все противно, а на самихъ себѣ висятъ какія-то, пригибающіе къ землѣ грузила и не даютъ выправиться въ свой естественный человѣческій ростъ. Никита сталъ пить, мучимый внутреннимъ сознаніемъ своего страшнаго грѣха, убийства младенца, не считая однако при этомъ за существенные, заслуживающіе горькаго оплакиванія, всѣ тѣ грѣхи, которыми переполнена была его жизнь и которые привели къ дѣтоубийству. Онъ, важничая и ломаясь предъ Анисѣй, многое изъ своихъ внутреннихъ терзаній вымѣщалъ на ней,—стало быть и Анисѣй была не жизнь, а мученье. Здѣсь какъ разъ оправдалось священное писаніе: чemu поработаешь, тому и поживешь.

Натура Никиты не выдержала того внутренняго мученія, которое въ немъ происходило: онъ искалъ исхода изъ этого мученія, и вотъ ему представилось одно изъ двухъ: или самоубийство или чистосердечное раскаяніе всенародно. И тутъ приготовленная Матреною для Акулины свадьба превращается въ роковой покаянныи соборъ, гдѣ Никигдѣ надлежало сбросить сокрытая въ душѣ его вериги и надѣть наружные кандалы. Онъ, очнувшись отъ житейскаго угара, закружившаго его голову въ жизненному водоворотѣ, предсталъ передъ добрыми людьми съ повинной, со знался во всѣхъ своихъ преступленіяхъ, и тутъ бывшій на свадьбѣ урядникъ не преминулъ исполнить строго отвѣтствен-

ный долгъ взять его подъ стражу, какъ уголовнаго преступника. Внѣ предѣловъ уголовнаго преступленія, какъ видно изъ драмы, отводится въ жизни для всякихъ дѣяній, полный просторъ, можно творить что угодно,—развращать свою семью, соблазнять другихъ, раззорять свой дворъ и т. п., никто не будегъ вамъ перечить, препятствовать, ибо безусловный принципъ свободы не терпитъ, не допускаетъ „вмѣшательства“.

IV.

И такъ, изъ драмы видно, что, послѣ прошедшъ своей жизнен-
ный путь Петра, Акима и Мироныча, мы остаемся съ нѣкото-
рою надеждою только на Марину съ неизвѣстными въ будущемъ
ея пасынками и падчерицами и на оставшуюся на волю Божію
Анюту, находящуюся, такъ сказать, подъ вліяніемъ вѣтра: куда на-
правитъ вѣтеръ, туда она и полетитъ. Рядомъ съ ними, конечно,
пойдутъ по жизненному полю и Никита, и Анисья, и Акулина,
въ случаѣ если, послѣ добровольнаго раскаянія первыхъ, глас-
ный судъ ихъ оправдаетъ, но ужъ жизнь ихъ будетъ все-таки
разбитая, позорная.

Изъ остальныхъ дѣятелей, виднѣющихъ изъ-дали на деревен-
скомъ горизонтѣ, нельзя отмѣтить никого, сколько-нибудь ха-
рактерныхъ лицъ развѣ мужа Марины, но и этотъ представ-
ляетъ собою какого-то зауряднаго крестьянина, какъ предста-
вителя эмертной массы; такимъ образомъ авторъ представилъ
намъ по своей драмѣ, относительное число людей, могущихъ
представлять собою надежду нашего будущаго, такъ мало, и
такъ сомнительно ихъ качествъ, что невольно задумываешься. Судя
по этому можно безошибочно заключить, что у автора не вхо-
дило въ планъ и задачу драмы характеризовать всесторонне
весь составъ населенія и его соціальное состояніе: если бы его
драма представляла общую характеристику населенія деревни,
тогда мы должны заранѣе считать себя стоящими совсѣмъ па-

краю пропасти. Если же имъ и отмыты мимоходомъ нѣкоторыя атрибуты современной, деревенской цивилизациі на примеръ: вы слышите изъ сужденія между мужиками о существованіи въ городѣ какихъ-то банковъ, а въ селѣ ссудосберегательныхъ кассъ, и видите въ избахъ самоварчики, а передъ окнами трактиръ, въ который иногда похаживають чаепитничать, з главное подвыпить, даже и старики, и въ тоже время есть такие крестьяне, которыхъ не брезгуютъ и вывозкою выгребнаго золота, чуя въ немъ силу, сообщающую землѣ. Но, къ сожалѣнію, послѣднее какъ слабый проблескъ къ зачаткамъ культуры все таки проявилось не въ средѣ молодыхъ, а въ томъ же старицѣ Акимѣ.

Но, вообще, изъ драмы не видно, гдѣ бы и на комъ изъ нарождающагося поколѣнія можно было отдохнуть, утѣшиться мыслью, что вотъ-де надежда, вотъ-де ядро будущаго общества; смотри-де, какая сила, какъ она преть впередъ къ истинному свѣту, разчищаетъ своими плечами дорогу къ своему благоустройству, смотрите далѣе, какія свѣтлыя точки зачались отъ храма новой цивилизациі!? Ничего подобнаго авторъ не показываетъ намъ, навѣрно потому, что ничего подобнаго онъ въ новой жизни деревни не нашелъ, или это, быть можетъ, у него будетъ составлять предметъ второй половины его задачи. Онъ указалъ на одно только отрадное явленіе: что еще не погасла лампада вѣры въ лицѣ Акима и частью Мироныча съ виднѣющейся вдали Мариной, во время спохватившейся.

Затѣмъ, вся окружающая обстановка и перспектива видимо сулитъ не свѣтъ, а мракъ. Возьмите, напримѣръ, Никиту и Акулину, когда они выѣзжали изъ дома въ городѣ; развѣ натолкнулись они на среду или даже на отдѣльныя единицы, которыхъ бы, замѣтивъ паденіе ближняго, поспѣшили преградить путь къ дальнѣйшему паденію его своими резонами, силою своей сердечной теплоты, или пришоль ли кто нибудь изъ влиятельныхъ крестьянъ въ домъ Петра образумить живущихъ въ немъ беззлобно молодыхъ его наслѣдниковъ?

Отъ этого знакомыенамъ разгулы въ лицѣ Никиты и Акулины (тицъ нарождающагося поколѣнія), — недавно ъздившихъ вдвоемъ въ

городъ, не встрѣтили преграды, своему полету потому что все, что жило въ деревнѣ и въ городѣ остатками полупатріархальной жизни, по Божески, доживало уже послѣдніе дни, а все остальное жило новою неприглядною жизнью.

Поэтому и вышло, что Никита и Акулина встрѣтили не препятствіе своему разгулу по своей торной и широкой дорогѣ, а напротивъ, они встрѣтили и въ городѣ и въ селѣ ожидающей ихъ радушный приемъ съ распостертыми руками, въ трактирѣ, въ харчевнѣ, въ этихъ аванпостахъ всякой поверхности цивилизациі.

V.

Вникнувъ вообще въ смыслъ и цѣль драмы, намъ кажется, что авторъ имѣлъ въ виду только отчасти представить или затронуть характеристику семьи и жизни сельскаго населенія, въ сопоставленіи съ его прошлымъ, если мы не ошибаемся; но однако несомнѣнно то, что онъ главнѣйшехотѣлъ указать на общую причину происхожденія всѣхъ житейскихъ невзгодъ и страданій. Причина эта, по его догмѣ состоить въ ученіи міра, которому вѣрять и слѣдувать потому, что оно представляетъ много заманчиваго, соблазнительнаго; хотя въ послѣдствіи многимъ весьма часто приходится расплачиваться цѣною растройства всей жизни, но этому никто не хочетъ вѣрить; всемъ думается что всѣ эти видимыя на другихъ черныя точки мимо пройдутъ, и потому ученію міра естественно слѣдуютъ предпочтительно предъ ученіемъ Христа, потому что ученіе Христа не выставляеть для жизни заманчивыхъ, соблазнительныхъ условій на первый планъ, неставить оно въсѧ на гору, не сулить вамъ въ перспективѣ царство земное, какъ это судилъ духъ тьмы даже самому Христу; нѣть, ученіе Христа, напротивъ, прямо преподносить бремя, чтобы затѣмъ въ душѣ человѣка явился рай, духовное спокойствіе, довольство, благодаря крайне ограниченнымъ

требованіямъ оть жизни и устроенію при этомъ всякаго—
лукавства и неправды. Но вотъ мы лучше всего увидѣть стоя-
щихъ передъ намъ живые образцы результатовъ той и другой жизни
выразившихъ на знакомыхъ намъ лицахъ. Посмотрите напри-
мѣръ Петръ послѣдніе годы не жилъ, а мучился не видя оть своей
семьи ни малѣйшей отрады въ настоящемъ, ни надежды въ
будущемъ, и въ этомъ положеніи былъ насильно рукою спих-
нуть въ могилу. Анисья, вѣроятно, сдѣлалась женщиной раз-
битой; Акулину, въ виду бывшей прорухи въ послѣдующей ея
жизни,—ждутъ побои мужа и семейный раздоръ; участъ Ни-
киты извѣстна.

Остаются только, какъ видите, здравы и невредимы и совѣстью
спокойны Акимъ и Митричъ, послѣдователи ученія Христа, да
еще Марина, вовремя сознавшая свою проруху въ жизни. Акимъ,
по необходимости, жилъ въ миру; но чтѣ не согласовалось
съ его христіанскимъ пониманіемъ, отъ того онъ отворачивался,
скорбя. Припомните, когда ему пришлось быть по своей
нуждѣ у сына Никиты и когда онъ тутъ узналъ, что у сына
происходитъ что-то неладное, тогда онъ не только не остался у
него переночевать, но не остановился даже попить чайку, видя
это неладное; онъ пренебрѣгъ и 10 рублевкой, ради которой
приходилъ къ сыну и которая ему была до крайности нужна.

Очевидно, что Акимъ изъ поведенія Никиты усмотрѣлъ, что
въ этихъ деньгахъ т. е. въ пріобрѣтеніи ихъ содергится много
грѣховъ. По всему видно, что онъ живетъ не по Божьему.

Между двумя сторонами міра духовнаго и животнаго авторъ—пред-
ставилъ намъ темную силу въ образѣ человѣка, погруженного въ
низменные помыслы,—въ лицѣ Матрены. Эта женщина является
передъ нами, какъ исчадіе рода человѣческаго, и потому ав-
торомъ она оставлена какъ бы между небомъ и землей вѣкъ ис-
пытанія Божьяго. По понятіямъ народа, оть такихъ людей самъ
Богъ отворачивается; оть этого они, такие люди, на землѣ такъ
и остаются съ черною душою и окаменѣлыми сердцами, не-
раскаянными грѣшниками, и за то ихъ ждетъ неизбѣжное жи-
лище ада, какъ удель ихъ дѣяній.

Не то дѣлается по понятіямъ народа, въ силу неисповѣдимыхъ судебъ Божиихъ, съ людьми, не законыѣвшими въ своихъ грѣховныхъ дѣяніяхъ, съ людьми, въ которыхъ еще не заглушило человѣческое чувство, искра Божественного огня, и такихъ людей, если они сами не спохватятся, самъ Господь наводить на путь просвѣщенія, а когда они еще не видѣть, не чувствуютъ этого пути, тогда дается имъ какъ бы толчекъ къ пробужденію самосознанія, посылается тяжелое испытаніе, прежде нежели придетъ часъ расчета съ жизнью, ибо священное писаніе говорить: „не хощу смерти грѣшника, но еже живу быти ему“. Въ этомъ состоить глубокая сила ученія церкви, которая не ставить васъ въ безъисходность, въ отчаяніе, а, напротивъ, окрыляетъ васъ свѣтлою надеждою, отворяетъ вамъ двери въ высшій міръ, говоря словами святаго писанія: „придите вси труждающіяся, и Азъ упокою вы“. Въ этихъ сердечныхъ вѣрованіяхъ состоить глубокая тайна и великая сила, служащая основнымъ стимуломъ, двигающимъ вѣрующія натуры въ область добрыхъ дѣлъ и благочестивой жизни по мѣрѣ умѣнья, способности и возможноти этихъ натуръ.

VI.

О глубинѣ-же и достоинствѣ произведенія графа Л. Н. Толстого вообще, какъ мы уже сказали, не намъ судить; намъ здѣсь, въ данномъ случаѣ важна не столько художественная сторона этого произведенія, какъ драмы, сколько приковываетъ насъ къ ней произведенная могучею искусною рукою анатомія всего нутра деревенской жизни, которая (въ силу этого) представлена передъ нами, какъ въ зеркаль, и которую онъ какъ бы показываетъ, говоря: на-те, смотрите, вотъ гдѣ мы живемъ и куда мы идемъ!

Но авторъ, представляя намъ это, не даль отвѣта на стоящій предъ нами вопросъ; именно, откуда, отчего взялась и развилась среди народа съ такою сугубою силою власть тьмы въ

наше время, въ вѣкъ просвѣщенія; при чёмъ онъ не указалъ ни средствъ, ни способовъ къ ослабленію этой тьмы, чтобы въ замѣну ее возможно было водариться власти истиннаго свѣта. Вѣдь для того, чтобы сохранить чистое содержимое, духъ разума, нуженъ чистый сосудъ, а мы видимъ этотъ сосудъ въ лицѣ народной среды и общества не совсѣмъ такимъ и притомъ состоящимъ изъ глины, не закаленной въ духовной печи, слѣдовательно могущей отъ каждой непогоды развалиться.

Такимъ образомъ, авторъ оставилъ насть какъ бы въ безпомощномъ положеніи среди тяжелаго впечатлѣнія, которое производить драма.

Если мы не находимъ въ драмѣ „Власть тьмы“ прямаго отвѣта на возбужденные самимъ названіемъ ея вопросы, то наѣрно потому, что авторъ направляетъ насть искать этихъ отвѣтовъ въ результатахъ, въ послѣдствіяхъ той и другой жизни дѣйствующихъ лицъ,— однихъ, слѣдовавшихъ посильно ученію Христа, другихъ—ученію міра. Поэтому, авторъ, очевидно, думаетъ, что, кто имѣеть уши, да слышить, имѣеть разумъ, да разумѣваетъ. И такъ, мы, для сопоставленія съ драмою, обратимся къ дѣйствительности; чтѣ она намъ скажетъ, чѣмъ объяснить причины проявленія сугубой власти тьмы среди сельскаго населенія?

VII.

Публика (я говорю о читающей публикѣ), по прочтеніи драмы, причину такого страшнаго проявленія въ народѣ власти тьмы прямо объяснила себѣ такъ, какъ она привыкла понимать и какъ ей представляется народная жизнь съ внѣшней стороны. По ея мнѣнію, все это происходитъ отъ невѣжества, отъ предразсудковъ и, главнѣйше, отъ отсутствія грамотности, при чёмъ она, указывая на драму, какъ на доказательство всего, происходящаго въ дѣйствительности, говорить вамъ, какъ бы съ укоромъ: вотъ, что значитъ держать народъ въ потемкахъ, не принимать надлежащихъ мѣръ къ образованію! — И только. Какъ будто

стоить только поучить 12-ти лѣтнихъ мальчиковъ по три, по четыре зимы, и вся жизнь родителей ихъ обновится, забывая то, что они будутъ жить въ средѣ Никитъ, Анисій, Матренъ, Акулинъ и т. п.

Ясно, что тутъ есть маленькое недоразумѣніе, ибо, съ одной стороны, факты отчетливо говорятъ, что образованіе народа, по крайней мѣрѣ въ 34-хъ земскихъ губерніяхъ, идетъ въ довольно широкихъ размѣрахъ: на этотъ предметъ одно земство, не считая другихъ вѣдомствъ, расходуетъ болѣе 6.000.000 р. въ годъ, а за періодъ 23-лѣтній оно израсходовало всего для этой цѣли около 106 м. р., чего публика, вѣроятно, не знаетъ.—Междудѣмъ, съ другой стороны, не только не ослабляется отъ грамотнаго просвѣщенія „власть тьмы“ въ средѣ народа, но еще видимо для всѣхъ все болѣе и болѣе проявляется. Стало бытъ, кромѣ мѣръ къ грамотному образованію, нужно еще что-то другое, болѣе дѣйствительное, для устраненія этой власти тьмы.

Если считать, что авторъ понималъ слова „власть тьмы“, которыми озаглавлена драма, въ томъ же слыслѣ, какъ и публика, то такое опредѣленіе по меньшей мѣрѣ было бы не согласно съ дѣйствительностью, съ тѣми взглядами автора, которые проведены въ лицѣ Акима. Акимъ видимо имѣлъ внутри себя свѣтъ, способный противостоять этой власти независимо отъ школы, и свѣтъ этотъ, очевидно, имѣть былъ почерпнутъ совсѣмъ изъ другаго источника, изъ источника не хитростной церковной цивилизациіи, изъ сердечныхъ преданій стариковъ. Если при этомъ мы и видимъ въ немъ свойственные человѣку, лишенному грамотнаго развитія, недостатки—онъ затруднялся даже выражать на словахъ свои самые простыя понятія, и вместо словъ, опредѣляющихъ эти понятія и ихъ смыслъ, почти безпрестанно ходило у него на языкѣ какое-то полуслово „тае-тае“,—все таки эти недостатки не мѣшали ему выражать самый смыслъ дѣломъ, а по дѣлу уже можно было легче понимать его и другимъ.

Если подразумѣвать „власть тьмы“ присущую или возможную только тамъ, въ той средѣ, где царить невѣжество, где отсутствуетъ грамотное просвѣщеніе, то почему же въ такомъ случаѣ

происходить такія же явленія еще хуже, еще страшнѣе, чѣмъ въ драмѣ, въ томъ обществѣ, которое не только грамотно, но и цивилизовано на всѣ лады? Разница только въ томъ, что въ масѣ народа все дѣлается неискусно, грубо, топорно, а въ цивилизованномъ обществѣ тонко, по преимуществу въ формѣ изысканной, прикрытой особой обстановкой, и, въ большинствѣ случаевъ, оправдывается какими либо тяжелыми условіями жизни, значеніе которыхъ опредѣляется по особой эластичной мѣркѣ, выдуманной на такіе случаи самимъ обществомъ.

Затѣмъ, если бы дѣйствительно причины господства власти тьмы надъ свѣтомъ въ народной средѣ состояли, главнѣйше, въ отсутствіи грамотности, то это отсутствіе, какъ всѣ мы знаемъ, — еще болѣе было въ дореформенное время, на что уже мы выше указали. Между тѣмъ, отчего же крестьяне стараго склада, остатки которыхъ мы видимъ нерѣдко и нынѣ въ дѣйствительной жизни, подобно Акиму и Митричу, этимъ представителямъ темнаго по грамотности времени, отчего они, эти крестьяне, содергать внутри себя столько свѣта, и притомъ такого свѣта, который даетъ достаточную духовную силу противостоять власти тьмы? Значить, это въ нихъ не тотъ свѣтъ, о которомъ толкуетъ публика, а, конечно, другой, котораго не можетъ объять тьма, — свѣтъ истинный, и онъ состоитъ не въ одной грамотности, а, главнѣйше, въ духѣ вѣры, духѣ разума и въ духѣ страха Божія.

Кто не знаетъ, что грамотность сама по себѣ не есть свѣтъ и хлѣбъ; она только приближаетъ будущее поколѣніе къ этимъ присущимъ идеаламъ; словомъ, грамота — только средство, орудіе къ саморазвитію, и притомъ орудіе обоюдоострое, — все зависитъ отъ того, какъ и куда оно будетъ направлено при тѣхъ осложненныхъ условіяхъ, которыми окружена наша жизнь.

Мы здѣсь уже не говоримъ о какомъ либо тенденціозномъ направленіи, напримѣръ: какъ было въ одно время, когда новая, сухая, нестепленная вѣрой, школа и книжка (послѣдняя приспособлена была для школы по извѣстной формулѣ), — стремились обособиться и замѣнить вѣру сознаніемъ и построить на этомъ

началъ новый міръ. Между тѣмъ, они такимъ образомъ повели живущій міръ къ жизненному провалу. Мы не говоримъ объ этомъ вопросѣ во всей полнотѣ, потому что такие вопросы не намъ рѣшать,—ихъ могутъ рѣшить только горькіе опыты и время, которое есть самый лучшій и отрезвляющій элексиръ.

Говоря такъ, мы ни мало не преувеличили послѣдствія ложного направленія; посмотрите сами поближе, вникните поглубже, и вы увидите, съ какимъ успѣхомъ, до послѣднихъ 5—6 лѣтъ, шла замѣна истиннаго свѣта свѣтомъ ложной цивилизациі; свѣть ея подобенъ свѣту бенгальскихъ огней, представляющихъ всегда освѣщаемый ими предметъ въ обманчивой, соблазнительной окраскѣ. Она имѣеть въ себѣ много привлекательнаго, особенно для легкомысленныхъ людей и восприимчивыхъ натуръ, и такимъ образомъ вводитъ ихъ въ заблужденіе, уносить въ область или несбыточныхъ фантазій, или совсѣмъ сводить съ жизненнаго пути въ омутъ и въ концѣ концовъ оставляетъ своихъ послѣдователей съ одними разочарованіями. Но, не вкусишь изъ горькой чаші опыта, никто изъ увлекающихся людей всему этому не вѣритъ; таково ужъ свойство человѣческой натуры.

VIII.

Въ этомъ-то воть и состоитъ вся бѣда наша, и не менѣе того, пожалуй, въ томъ, что наши передовыя люди, разсуждая о со- зданіи общаго жизненнаго благополучія, слишкомъ идеализируютъ человѣка, упуская совсѣмъ изъ виду извѣстный имъ материалъ, съ которымъ они и мы тутъ имѣемъ дѣло. Вѣдь мы должны, со- знаться, что имѣемъ дѣло съ самой тяжелой земной глиной, не закаленной въ духовной печи, за отсутствиемъ живаго огня. Словомъ, мы имѣеть дѣло съ животной природой человѣка, которую ужъ никакъ не можетъ окрылить одна, сравнительно, слабая по- верхностная грамотная просвѣщенность безъ вѣры, той вѣры, которая, при высшемъ міросозерцаніи, даетъ силу, способную, такъ сказать, сдвинуть горы; другими словами, одна грамот- ность и воображаемое сознаніе, безъ преобладающаго развитія

религіознай стороны чловѣка, въ которой заключается несомаўно и нравственная, недасть необходимыхъ жизненныx устоевъ для населенія.

Значить, преобладающее присутствіе силы тьмы въ народѣ зависитъ не отъ одного отсутствія безусловной грамотности, а, главное, оттого, на сколько истиненъ, или же наоборотъ,— на сколько ложенъ тотъ или другой свѣтъ, сопровождаюшій грамотность и на сколько освѣщенъ или не освѣщенъ имъ путь къ дальнѣйшей нашей духовной и материальной жизни, и какія практически достижимыя или умозрительныя указанія и способы будутъ даны.

Обращаясь собственно къ драмѣ мы видимъ изъ нея ясно одно, что рана, которую обнажилъ передъ нами авторъ на этомъ доселъ бывшемъ здоровомъ организмѣ деревенской среды зіаетъ широко. Но она еще довольно свѣжа, и, благодаря незаряженности крови, поддается излеченію. Хотя при тѣхъ условіяхъ, которыми окружена жизнь, излеченіе ея можетъ затрудниться и рана можетъ превратиться въ гангрену, будетъ пагубно вліять на ослабленіе всего организма, если только не будетъ принято соотвѣтственныхъ жизнеоздоровляющихъ мѣръ. Насколько отъ такихъ и другихъ болѣе вредныхъ проявленій страдаетъ теперь жизнь общаго состава сельскаго населенія,—это не выяснено авторомъ. Очевидно, онъ оставилъ это собственному разумѣнію всѣхъ тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ; а между тѣмъ подъ вліяніемъ своей внутренней скорби за міръ, онъ своею драмою будить умъ и чувства общества отъ апатіи и угара и обращаетъ взоры его на неприглядную дѣйствительность.

Но для большаго выясненія нашей мысли или, правильнѣе сказать, нашихъ думъ, вызванныхъ продолжительнымъ наблюденіемъ за жизнью, мы коснемся далѣе отчасти и общества посмотримъ что оно по долгу своего призванія и образованія сдѣлало для массы населенія? Съ какой стороны оно наиболѣе вліяло на жизнь населенія.

IX.

Общество наше, какъ переживающее еще самый тяжелый періодъ своего развитія, періодъ переходный, находится, такъ сказать, въ броженіи, которое теперь присуще ему, какъ бражкѣ въ винокурнѣ, гдѣ, извѣстно, покуда эта бражка не выбродится, не можетъ изъ нея отдѣлиться барда и получиться чистый спиртъ. Отъ этого, навѣрное, наше общество само съ собою находится не въ ладу. Оно не можетъ разобраться съ назрѣвшими вопросами въ лабиринтѣ смѣси понятій и направленій, и потому не мудрено, что многіе только и дѣла носятся или со своими излюбленными или не замѣтао для себя усвоенными мимолетными идеями, не хотятъ смотрѣть на дѣйствительныя нужды и интересы, не хотятъ обѣихъ никого ни слушать ни понимать, хотя бы тутъ вѣщали вѣчныя истины. Общество, находясь въ такомъ положеніи, при отсутствіи здороваго, ясно господствующаго направленія, можетъ, независимо отъ своей воли, переносить свои сбивчивые пестрые взгляды и понятія въ народную массу по всѣмъ лѣстницамъ, соединяющимъ одинъ слой съ другимъ, и дѣлать вредъ гораздо больше и хуже,—чѣмъ, если бы масса оставалась при полупатріархальныхъ потомкахъ, среди которыхъ все-таки путь къ добронравственной жизни такъ или иначе достаточно освѣщался свѣтомъ церкви,—ея вѣроученіемъ.—Но сбить жизнь со старого пути, такъ или иначе приведшаго насъ къ шестидесятымъ годамъ XIX столѣтія хотя и грубоватыми, но довольно здоровыми, обратившимися въ девяносто-милліоннаго великана и, затѣмъ оставить насъ на распутьи между старымъ и новымъ вѣкомъ—это явленіе по меньшей мѣрѣ не нормальное. Говоря это мы не думаемъ чтобы кто либо заподозрилъ насъ въ отрицаніи великаго значенія эмансиації отъ старыхъ путъ и предразсудковъ и необходимости прогрессировать жизнь въ разумной послѣдовательности? Нѣтъ мы словомъ и дѣломъ за прогрессъ, за цивилизацію, но только за разумную, послѣдовательную, пло-

дотворную, а не чахоточную, пустоцѣтную, какую практиковали, между многими несомнѣнно полезными нововведеніями, болѣе 20 лѣть, рядомъ съ просвѣщеніемъ.

X.

Въ силу такого направленія естественно и неизбѣжно изъ всего, что отдѣляется изъ общества низменнаго, осадочнаго какъ въ своемъ натуральномъ неприглядномъ видѣ, такъ и прикрытомъ мимо либеральною окраскою, значительная доля стала опускаться еще ниже и сближаться съ массой населенія, среди которой въ свою очередь само по себѣ отъ мѣстныхъ причинъ стало проявляться и скопляться сродственный этому свой осадокъ, свои шатающіеся изъ стороны въ сторону безличные элементы, порожденные отсутствіемъ руководящаго направленія. Это движение однако не устранило возможности интеллигентнымъ силамъ спускаться съ высоты своихъ воззрѣній и положеній долу и они спускались, но такъ какъ тутъ, внизу, нельзя было скоро и мимоходомъ, наставническимъ образомъ, передѣлать жизнь, для этого нужно было сжиться съ народомъ, создать новую, просвѣтленную, здоровую атмосферу и въ ней родить и воспитать человѣка, что, конечно, потребовало-бы столѣтія, то вотъ, видя и сознавъ, что нельзя мимоходомъ не только направить населеніе къ саморосту, но еще и разобраться со всѣми старыми и новыми путами, большинство интеллигентныхъ людей опять снова поднялось къ верху, пока еще не всѣ мѣста были задвинуты въ государственной іерархіи и частью по ученой стезѣ. Но помимо всего этого, указанное движение общественнаго осадка въ массушло мѣстами рядомъ съ молодыми полезными силами и подъ ихъ знаменемъ и оношло по тремъ весьма опредѣлившимся линіямъ.

Одна изъ этихъ линій получила свое начало среди мишур-

наго свѣта, въ веселыхъ, жирныхъ промысловыхъ уголкахъ большихъ центровъ, гдѣ уже смѣшалась деревня съ фабрикой и рынкомъ съ примѣсью всякой поверхности цивилизованной посредственности, и уперлась на селѣ въ волость, харчевню, трактиръ, кабакъ, какъ самые удобные и какъ бы неизбѣжные разсадники низменной цивилизациі.

Другая линія идетъ изъ умозрительныхъ сферъ, гдѣ путеводною звѣздою всегда служили различныя доктрины, безъ согласованія съ наличными условіями жизни и святыми преданіями нашего прошлого и она уперлась въ замѣну земли въ беспочвенное пространство и частью только коснулась верхушекъ нуждъ населенія черезъ учителей и врачей. Но и здѣсь полезность влиянія этихъ силъ на жизнь массы оказалась условною, какъ это мы увидимъ далѣе. И въ самомъ дѣлѣ нельзѧ же какому либо пастуху-новатору одною своею новою свирѣлью, разыгравая чуждыя чувству пасомыхъ новые пѣсни, измѣнить по этой дудкѣ тяжелую природу, съ которой онъ имѣть дѣло и преобразить ее въ естественного пути въ желанную фигуру.

Отсюда,—понятно, тѣ изъ молодыхъ людей, которые стремились въ періодъ своего образованія къ симпатичнымъ цѣлямъ, впослѣдствіи отодвинули эти цѣли на задній планъ, когда увидѣли, при примѣненіи своихъ силъ къ дѣлу, свою полную несостоятельность въ борьбѣ съ жизненными трудностями, которыхъ усложнялись еще разными сплетеніями старыхъ понятій съ новыми, невольно пришлось искать средствъ къ уклоненію отъ первоначального идеального направленія на нѣсколько градусовъ въ сторону. Но прежде всего нужно было оправданіе такого попятного движенія. Оправданіе это само собою представилось въ отсутствіи среди новой жизни такихъ учрежденій, которыхъ бы давали място и возможность молодымъ людямъ приложить свои силы къ дѣлу и свести силы ихъ въ органическую связь съ силами населенія. Это-то отсутствіе жизнеплодныхъ учрежденій и дало имъ возможность съ нѣсколько спокойнымъ духомъ покинуть свои первоначальные стремленія, направиться къ другимъ болѣе практическимъ цѣлямъ—къ личному самоустроюству. Все это вполнѣ

естественно. И такъ, одни, получивъ службу — и держатся за нее обѣими руками и, кромѣ своихъ прямыхъ отвѣтственныхъ обязанностей, въ большинствѣ не распространяютъ свое полезное вліяніе на благоустройство населенія, другіе — пошли по педагогической дѣятельности, а трети занялись своимъ жизнеустройствомъ, не думая особенно о какомъ-либо народѣ, но таковое устройство большинству не удавалось — явилось недовольство частью самихъ на себя, а главнѣйшее на все окружающее. Такое настроение духа естественно нарушило ихъ внутренній миръ, — явилось нервное подергивание, непріязнь ко всему, что живеть выше и лучше. За то тѣ, которые обладали практической солью — внесли въ жизнь провинціи много хорошаго, полезнаго, между прочимъ по сельскохозяйственной культурѣ въ своихъ имѣніяхъ, гдѣ книжка хотя не сходилась съ дѣйствительностью, однако время, терпѣніе и настойчивость, въ лицѣ людей съ характеромъ и средствами, сочетали эти двѣ силы во едино цѣлое плодотворное. Если результатъ этихъ единичныхъ усилий, сравнительно съ общими потемками въ уѣздѣ, представлять мизерную точку просвѣтленія, то всетаки эта точка можетъ служить маякомъ къ лучшему жизнеустройству.

Треть, изъ числа присоединившихся въ хвостѣ обѣихъ линій, были уже съ зачатками недобраго начала: ходили нахмуривъ брови, злобно озирались кругомъ и они смотрѣли на все имущее и живущее не по ихъ мѣрилу, какъ на недостойное существованія между воображаемыми будущими достойными гражданами,— но они милостиво позволяли всѣмъ жить, пока не настало время и часть решенія судебъ человѣческихъ, направляя, гдѣ только возможно, общую жизнь согласно известному девизу „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Но это болѣзненное проявленіе, какъ повѣтріе, слава Богу, въ послѣдніе годы замѣтно стало ослабѣвать, если впереди не перейдетъ въ другую форму, удобную косвенно подтачивать основы созидательной жизни, найдя себѣ мѣсто въ разщелинахъ государственного зданія. Но какъ бы то ни было, а главный вредъ состоять не въ томъ, что

являются среди жизни вмѣстѣ съ новыми силами бродячіе и вредные элементы, а въ томъ, что эти послѣдніе встрѣчаютъ нерѣдко въ обществѣ какое-то глухое покровительственное сочувствіе со стороны интеллигентныхъ людей, принимающихъ по недоразумѣнію это убожество чуть-ли не за мучениковъ своихъ убѣжденій; а объ недообразованной части публики, которая заблудилась въ дебряхъ идей, нечего и говорить,— эта часть приравнивается ярыхъ отрицателей чуть ли не къ христовы姆ъ апостоламъ, забывая при этомъ, что ученіе Христа сопровождается кротостью, незлобивостью, терпѣніемъ, всепрощеніемъ, горячею любовью къ ближнему, а здѣсь у этихъ новой формациіи проповѣдниковъ и послѣдователей недобраго ученія оно сопровождается жестокостью, подвохами, а, гдѣ нужно, пробиваются себѣ путь огнемъ и мечемъ, какъ средствомъ, оправдываемымъ цѣлью. Такія объясненія, если хотите, пожалуй, одинаково будутъ пригодны для всякаго разбойника, въ любомъ грабежѣ или убийствѣ; каждый изъ нихъ можетъ придумать себѣ оправданіе, что онъ все это дѣлаетъ для доброй цѣли, между тѣмъ какъ тутъ въ сущности какъ вы не извертывайте смыслъ, все-таки зло будетъ зломъ, противнымъ Бого-человѣческому началу, самой природѣ. Послѣдователи-же Христа не хитрили, шли вездѣ прямо, открыто проповѣдывая высшую любовь, потому что они сами были чистая воплощенная любовь. Но въ послѣднее время, если и даютъ ради либерализма въ свое мѣсто сочувствіи пріютъ элементу отрицанія, то только мѣстами, тѣмъ не менѣе въ провинціи еще и теперь многіе живутъ и думаютъ заднимъ числомъ. Видно не дошло еще до нихъ то, что въ главныхъ умственныхъ центрахъ происходитъ переворотъ въ направленіи мысли въ разумную сторону.

Затѣмъ, въ деревняхъ и уѣздныхъ городахъ независимо отъ притока по временамъ „лишнихъ людей“ уже идутъ „своя отъ своихъ“: съ тѣхъ поръ, какъ началось одновременное въ обществѣ и массѣ безкомпасное броженіе среди ложной свободы, обратившейся мѣстами въ праздношатаніе, мѣстами въ круговой произволъ, среди массы, навстрѣчу обществу, совершалось свое движеніе, сталъ развиваться между трудящимся безмол-

ствующимъ населенiemъ разгуль и дома и на сторонѣ, послѣдній въ особенности маниль — изъ деревни во многолюдные центры и въ разныя другія мѣстности на отхожіе промыслы частью для дѣйствительныхъ заработкаў и частью только подъ видомъ заработкаў для вальяжной жизни; причемъ однако нельзя отрицать, что многіе изъ крестьянъ эти свои отходы совершаютъ съ пользою для себя и семьи. Но для тѣхъ, кто не думаетъ о пользѣ или не можетъ „совладѣть“ съ собой тамъ, на сторонѣ, дѣйствительно, и водочка и чаекъ и всякое другое приволье все идетъ на одну свою персону — дома же, въ семье, не будучи иногда полнымъ властелиномъ, одинъ не воспользуешься какой-либо прихотью, да и не всегда есть средства, а если есть таковыя, то надо всѣхъ ублаготворить; а идти изъ дому въ кабакъ или въ харчевню, пожалуй, иной разъ семья, когда остается полуголодной, по приходѣ домой — задастъ потасовку.

И вотъ изъ этой-то частію дѣловой и частію бродячей среды потомъ возвращаются: одни полуразбитыми, спившимися такъ, что не только не приносятъ они въ домъ что либо въ прокъ, но еще приходится мученицѣ бабѣ его кормить, выплачивать оброки, сборы, а за недостатками продавать послѣднюю корову, другіе — такъ себѣ пошатнувшись, но еще держатся на своихъ ногахъ, — заработавъ малую толику, приходить съ деньжонками, но иногда менѣе того, что упустили сами по домоводству — третьи, болѣе практическіе, являются частію со средствами достаточными для исправленія насущной нужды и частію изъ попавшихъ „на свою линію“ возвращаются съ порядочнымъ для деревни капиталъцемъ.

Изъ этихъ послѣднихъ одни поселяются въ городѣ и записываются иногда въ купцы, другіе возвращаются прямо въ деревню знатными людьми и заживаются, кому какъ Богъ на душу положить, но во всякомъ случаѣ не культурною сельскою жизнію, а или благотворительной, или торгашеской, или мишурно-просвѣтленной. Обѣ исключенія мы здѣсь не говоримъ; конечно, изъ числа прожившихъ долго въ хорошой жизненной школѣ, обладая природными способностями и успѣхъ развиться практи-

чески и умственно, есть и такие, которые могли бы служить прототипомъ лучшихъ будущихъ гражданъ.

Но въ общемъ итогѣ народъ отъ соприкосновенія съ обществомъ, центрами цивилизациі, и съ бойкими мѣстами по той и другой линіи, видимо, весьма мало приобрѣлъ въ смыслѣ водворенія среди своей жизни какихъ либо культурныхъ зачатковъ. Если и бываютъ, какъ мы выше сказали, выдающіяся изъ него личности, то они уже являются жителями не деревни, а города. Поэтому, съ какой стороны ни взгляните на деревню, уровень нравственного и материального ея состоянія видимо понижается—слабнетъ. Отсюда появились въ деревенской средѣ какіе то деревенские хлыщи, своего рода—феофаны звонаревскіе, изъ разныхъ званій, по преимуществу изъ тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, которые поучились побольше, и эти звонаревскіе явились ужъ, какъ продуктъ безпочвенной грамотности, ибо известно всемъ, что вся сколько нибудь побольше поучившіеся направляются не въ семью, не въ поле и огородъ, а въ писарство, учительство, аблокатство, въ сидѣльцы и т. п., причемъ некоторые изъ тѣхъ и другихъ, по особенной связи съ поселенами и тяжущейся частью массы, опустились до кабака, гдѣ и просвѣщаются темный людъ на вся лады.

Вотъ приблизительно все, что дало общество, земство и большие центры въ массу и что содержитъ въ себѣ сама масса, не касаясь ея безмолвной трудящейся части, несущей безропотно всякое ярмо.

XI.

По этому одному, на что мы, главнѣйше обращаемъ вниманіе, не трудно понять, откуда и почему явилась—власть тьмы. Она явилась просто отъ отсутствія разумно просвѣтительного руководства; затѣмъ уже деревня, находясь въ путахъ старого и нового времени, благодаря вліянію общей нездоровой атмосферы,

блужданію среди ея различныхъ осадковъ, несмотря на мас-су властей, остается, въ самомъ безпомощномъ положеніи, особенно тогда, когда касается вопросъ освобожденія ея отъ этихъ путь и доставленіи возможности къ саморосту. Все сло-жилось къ самоослабленію, противовѣса же никакого.

Церковь въ своемъ традиціонномъ смиреніи, столь полезномъ при бывшей патріархальности семьи и вообще прихожанъ, и школа въ своемъ пареніи въ область отвлеченныхъ идеаловъ, стоять въ живой связи съ населеніемъ, исполняя лишь: первая—установленныя церковныя требы, свою обрядовую формаль-ную сторону, чуждаясь и духовнаго и практическаго воздействи-я на внутреннее благоустройство доброй жизни поселянъ, видя нравственное гоненіе сестороны попугайствующихъ, а послѣдняя—вмѣсто того, чтобы быть другомъ народа, союзни-цею церкви, открывать окошко къ истинному свѣту, не сводя населеніе съ его жизненной почвы, она, эта школа, ведеть его къ ознакомленію съ областью отвлеченныхъ понятій, обезчеловѣчивающихъ дѣтскую натуру въ самыхъ зачаткахъ ея мысли-тельной способности. Присоедините къ этому еще бывшій между церковью и земской школой антагонизмъ, созданный, благодаря разни въ воззрѣніяхъ на задачу воспитанія, и рядомъ съ этимъ водворившемуся извѣдь загадочному ученію, тогда понятно будетъ, отчего въ деревнѣ теряютъ головы и опускаютъ руки не только мужики, но и молодые ребята. Естественно, что от-сюда же произошло ослабленіе обаянія церкви, престижа власти и вліянія стариковъ на сходахъ и въ семье.

Земство, которому предоставлены самодержавныя права надъ платежными силами уѣзда, къ сожалѣнію уклонилось въ корню отъ прямой своей святой задачи, оно было занято не столько тѣмъ, къ чему было призвано, сколько либеральной вывѣской, какъ напримѣръ, числомъ школъ и больницъ, и тѣмъ какъ бы кокетничало предъ публикой и печатью, а эта послѣдняя долгое время только и дѣлала, что гладила его по головкѣ, лелѣя тѣмъ самымъ принципъ самоуправлениія. Дѣйствительно, печать боялась обнаруживать недостатки земства и читать ему нотаціи,

дабы не воспользовалась этимъ въ обратную сторону та часть правительства, которая основательно не видѣла въ этомъ учрежденіи проку не по принципу, а по его беспочвенному и не связанныму съ государственнымъ организмомъ устройству.

Мѣстная административная власть и мировыя учрежденія стояли въ явномъ противорѣчіи требованіямъ жизни, какъ и другъ къ другу, на практикѣ они служили согласно своихъ статутовъ и обособленныхъ воззрѣній не столько интересамъ жизни, сколько отвлеченнымъ принципамъ, которые положены были въ основаніе этихъ учрежденій, и въ результатѣ все сказанное видимо вносило въ общую жизнь диссонансъ, и оно шло въ разрѣзъ созиатальному началу, однако, тѣмъ не менѣе все это выходило по всѣмъ статутамъ законно.

Далѣе идутъ, извѣстные въ своемъ родѣ, волостное правленіе и волостной судъ и о бокъ съ нимъ ютятся: заречная и кабакъ, какъ продуктъ современной жизни; изъ нихъ послѣднія два учрежденія, за отсутствиемъ имъ противовѣса, часто берутъ, къ общему прискорбію, верхъ надъ первымъ.

Общинный строй въ настоящемъ его видѣ, бывшій хорошимъ, при патріархальномъ состояніи семьи деревни, нынѣ налагаетъ на трудящуюся часть сельского общества тяжелыя путы, особенно тамъ, где уже двѣ трети поселянъ ослабли и нравственно и материально, остальной же третьей части, находящейся подъ давлениемъ безусловного большинства, волей неволей приходится слѣдовать по пословицѣ: „съ волками жить, по волчьи выть“, иначе пойдуть, тутъ нѣть выхода изъ этой общинной западни. Попробуйте кто-либо заявиться съ частной инициативой, хотя бы она была наиболѣйшая, какъ для жизни вообще, такъ и по улучшенію сельского хозяйства, этой основы благосостоянія въ особенности, всякая инициатива будетъ подавлена стадностью, какъ будто въ самомъ дѣлѣ въ основѣ устройства долженъ лежать девизъ: бѣднѣть такъ ужъ бѣднѣть всѣмъ,—выхода не допускается. Казалось бы, все равно—этотъ девизъ можно примѣнить и на оборотъ, т. е., ужъ если богатѣть, такъ богатѣть всѣмъ, исключенія не допускается, анъ нѣть, на дѣлѣ оказывается не такъ, ибо

оть природы человѣкъ въ извѣстной степени эгоистъ, и потому онъ не можетъ принудить себя работать на равныхъ себѣ, когда они праздношатаются; онъ скорѣе самъ съ голоду умретъ и не потерпить его натура такой неправды, чтобы одинъ стать „лынить“, другой распутничать, а третій для обоихъ работать. Заставить же добрымъ словомъ испорченныхъ людей работать и заняться толково домоводствомъ,— это значило бы все равно, что въ воздухѣ тросточкой махать, гдѣ, конечно, никакихъ слѣдовъ не остается; нѣтъ, тутъ нужно для того, чтобы каждая отдельная семья, какъ маленькая шестерня, въ общей машинѣ зацѣпилась другою шестернею круговращательной машины, нужно дать трудящемуся, степенному загнанному меньшинству въ сельскомъ обществѣ такое значеніе, какое представляетъ коренная машина, приводящая въ движение всѣ послѣдующія силы, и тѣмъ порализовала бы давленіе разнузданного большинства сельскаго общества. А этому горю можетъ помочь только власть государственная и учрежденія, которыя бы населеніе вывели изъ лѣсу понятій на ясный путь къ самоустройству, причемъ необходимо создать такія условія жизни, которыя бы безъ понужденія двигали, въ силу живого ясного интереса, простую натуру къ самодѣятельности. А теперь посмотрите: на сходѣ бушуетъ подвыпившій Никитка съ молодыми товарищами, выкрикивая; „вотъ мы имъ дадимъ знать то, другое, третье,—хвалясь, что миръ-де сила, выше которой и Царь не пойдетъ; не-че ребята „мотрѣть“ на нашихъ стариковъ, на старыхъ нынече только воду возять“. Послѣ этого съ такими воротилами не только не явится ни у кого никакого интереса работать, но еще совсѣмъ руки опустятся. Все это мы говоримъ не красные слова, а горькую истину.

XII.

Да вотъ лучше мы соплемся хотя на одинъ изъ характерныхъ живыхъ фактovъ; какія уродливыя явленія происходятъ

среди деревни, просто, видя это, страхъ береть за наше будущее. Года три тому назадъ, близь города Вытегры, въ одномъ изъ сель зажиточный бездѣтный крестьянинъ задумалъ послужить чѣмъ можетъ на пользу сельскому обществу. Предложилъ построить хорошее помѣщеніе (тысячи въ двѣ) для земской школы, которая помѣщалась въ то время въ убогой лачугѣ. Сходъ согласился, благодаря жертвователя и покончилъ по обыкновенію „литками“, выпивкой. Началась постройка этого помѣщенія. Вдругъ плотники бѣгутъ къ жертвователю—въ попыхахъ, что крестьяне не даютъ строить училище. Бѣжть жертвователь на мѣсто, оказалось все дѣло заключалось въ томъ, что деревня задумала этимъ путемъ съ жертвователя стянуть ведро вина, и онъ даетъ это ведро, и постройка разрѣшена. Однако этимъ дѣло не кончилось, въ послѣствіи пришлось еще три раза потерпѣть остановку и три раза откупаться виномъ. Конечно, степенные мужички не принимали участія въ этомъ общественномъ содомѣ, но они оставались безсильными, ибо образовалось большинство разнуданныхъ членовъ схода, правда изъ нихъ только одна третья крикуновъ активно дѣйствующихъ, и третья уже пошатнувшихъ, приставшихъ къ тѣмъ, у кого сила, а остальная третья—корень-то русской жизни—что съ нимъ происходит? Онъ, этотъ корень, затоптанъ грязными ногами въ силу новыхъ либеральныхъ порядковъ, новыхъ принциповъ. Вотъ вамъ картинка свободы, невмѣшательства власти, отсутствія руководящаго элемента—картинка самоуправлениія и того, какъ мы губимъ народъ, какъ создаемъ сами водоворотъ среди могучей русской жизненной рѣки!? Отчего никого не побоялись, никого не постыдились преемники зажитковъ Петра (во „власти тымы“)? Отъ того, что русло жизненной рѣки чуть не на половину превратилось въ разные водовороты, и вода, которою питаются изъ этихъ водоворотовъ, сдѣлалась мутною, заразною, головокружашею.

XIII.

Мы здѣсь набросали только иѣкоторые штрихи печальной картины нашей круговоращательной жизни, такъ какъ мы не имѣли въ виду принять на себя непосильную подробную разработку основной нашей мысли по недостатку наличныхъ средствъ—мы имѣли въ виду только затронуть забытыя темы съ тѣмъ, чтобы мыслящая и практическая часть общества, не мудрствуя лукаво, отыскала не въ метафизикѣ ключъ къ разрѣшенію жизненной задачи, а въ простой дѣйствительности. Для этого нужно прежде всего, чтобы всѣ, кому вѣдать надлежитъ, не обходили мимо дѣйствительность, а считались бы съ нею. Если мы дѣло имѣемъ съ медвѣдемъ, то такія средства и условія надо и создавать, а не представлять его ягнцемъ. Если же мы будемъ имѣть дѣло съ ангелами, то, конечно, тогда и отношенія наши должны быть къ нимъ какъ къ праведникамъ — для которыхъ не надо и законы, потому что они сами законъ.

Благодаря только несообразности порядковъ и касающихся деревни законовъ со степенью развитія народной массы и ложнымъ воззрѣніемъ въ верхнихъ слояхъ на жизнь народа, явились превратныя толкованія: права сдѣлались незнакомы съ обязанностями, свобода превратилась мѣстами въ произволъ, чуждаясь всякой дисциплины; понятія общества и массы о долгѣ о чести, о религії, обо всѣхъ положительныхъ задачахъ жизни приняли какой-то хаотической характеръ, что чрезвычайно помогло усложненію жизни. Теперь, чтобы отвести глаза отъ сущности и свалить всю причину невзгодъ на Сидора, Петра—созданъ въ печати какой-то кулакъ, которымъ такъ всѣ и пробавляются, упуская изъ виду то, что вѣдь не водятся тараканы безъ нечистоты и грязи въ избѣ. Кулакъ есть плоть отъ плоти, кость отъ костей того же населенія. Поэтому, по необходимости надо признать кулака за экономическую хотя и грубую силу, которую выдвинула сама масса, и съ этою силою надо считаться.

Направьте, обстановите ее и общую жизнь населения подлежащими въхами, и кулакъ будет — вмѣсто односторонне-эксплоатирующей — здоровой осмысленной экономической силой.

XIV.

И вотъ многіе думаютъ, что всю эту разладицу, недостатки пустоцвѣтъ земства можетъ заполнить собой школа грамотности, въ которой одной видѣть свѣтъ и силу, способную разогнать тьму, и притомъ еще этого ждуть отъ такой школы, которая органически не связана ни съ церковью, ни съ жизненными интересами населенія!

Мы думаемъ, что при такихъ условіяхъ вліяніе и сила подобной школы, безъ другихъ, соотвѣтственныхъ дѣйствительной потребности, учрежденій на разгнаніе потемокъ среди массы, будетъ равняться вліянію или силѣ, поставленной на сторожевой башнѣ, слабо свѣтящей плошки, назначеної для освѣщенія обширной площади во время темной осенней ночи, когда еще сырый вѣтеръ немилосердно задуваетъ этотъ слабый огонекъ со всѣхъ незащищенныхъ отъ непогоды сторонъ.

Постараемся пояснить этотъ взглядъ практическимъ способомъ. Всѣ мы знаемъ, что самое большое количество школъ устроено въ 34-хъ земскихъ губерніяхъ, где на 100,000 жителей обоего пола въ уѣздѣ оканчиваетъ курсъ (изъ числа 2—3-хъ тысячъ средняго количества учащихся въ нихъ) среднее 400 учениковъ въ годъ, или по 4—6 мальчиковъ на тысячу жителей. Но, не говоря уже о такомъ сравнительно миниатюрномъ отношеніи количества учащихся къ массѣ населенія, что же можетъ вынести изъ школы напримеръ выучившійся 13-ти лѣтній мальчуганъ инести въ свою грубую семью? А главное, что онъ можетъ удержать въ себѣ изъ позаимствованного въ ней до полнаго своего возраста, будучи большею частью окружены или безъисходною бѣдностью, или распущенностью жизнью семьи и деревни.

Возьмите для наглядности хотя бы знакомую намъ Анюту и представьте себѣ, что она уже прошла школу и, возвратясь домой, находится среди такой обстановки, въ какой мы ее видѣли: въ средѣ Никитъ, Анисій, — Акулинъ, что же ее ждетъ? Ждетъ ее, конечно, болѣо нехорошее.—Если въ городѣ и усадьбахъ чадолюбивыя мамаші, воспитывающія своихъ дѣтей при помощи гувернантокъ подымаютъ чутъ не вой, когда сдѣлается перерывъ занятій дитяти на мѣсяцъ, на недѣлю: ой, говорятъ, они все перезабудутъ, что учили, что нѣтъ!—Такъ какъ же послѣ этого полуѣансной, неразвитой ребенокъ, поучившись въ школѣ грамотности въ продолженіи 3-хъ зимъ, не перезабудетъ, хотя бы онъ потомъ и читаль изрѣдка, какъ читаютъ газету извощики—по складамъ.

Но если разсматривать вопросъ съ болѣе практической точки зрењія на основаніи опыта, то окажется, что еще не бѣда, что крестьянскія дѣти, учащіяся нынѣ, на половину перезабудутъ при указанной безотрадной домашней обстановкѣ, скорѣе окажется бѣда въ томъ, что, если эти дѣти, не только не забывть, но даже еще поучившись много больше, чѣмъ даетъ начальная школа, и не будучи введены въ струю здоровой жизни и направлены къ ясной и практически достижимой полезной для жизни цѣли, пойдутъ не по своей дорогѣ: тогда уже они ничего, кроме вреда, не могутъ внести собою въ народную массу; факты на лицо: откуда же, почему теперь умножается писарство, мелкое „аблакатство“, верхоглядство и болтовня на разныя глупыя либеральныя деревенскія темы, гдѣ уже нѣкоторые даже знаютъ имена Дарвина, Лассала.—На самый лучшій конецъ, при теперешней зараженной атмосфѣрѣ, мы можемъ указать на то, что нѣкоторые изъ тѣхъ грамотѣевъ, которые отъ природы имѣютъ наклонность къ практическимъ цѣлямъ, еще стремятся попасть въ мелкие прикащики, въ мальчики на посылки въ какую либо контору или же въ сидѣльцы въ кабакъ, значить, умножаютъ то, что безъ того переполнено; и все таки въ жизнь деревни не только не вносится чрезъ этихъ грамотѣевъ ни сельской культуры, ни вообще просвѣщенія, но еще является но-

вый видъ умопомраченія, благодаря опять таки отсутствію руководящаго направленія для грамотныхъ и опорныхъ точекъ въ жизни по выходѣ изъ школы.

Вотъ почему мы находимъ, что нельзя затыкать одною школою и притомъ нестепленною чувствами, порождаемыми христіанскимъ ученіемъ, всѣ прорухи, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя земства, развивая эти школы—каждое земство на свой ладъ; дѣлать такъ—значило бы только: или закрывать себѣ глаза, или отводить глаза другимъ отъ жизненной сущности.

Безъ того у насъ многіе изъ мыслящей и читающей части общества любятъ указывать на школу, на необходимость широкаго развитія грамотности въ народѣ, какъ на панацею спасенія отъ всѣхъ золъ, и это понятно; потому что формула для разрѣшенія этой задачи всѣмъ известна, всѣмъ понятна, и грамотность, какъ начальное средство къ умственному развитію, никѣмъ не оспаривается, съ чѣмъ и мы согласны. Но мы хотимъ при этомъ только напомнить, что нельзя намъ, какъ институтѣ, незнакомой еще съ жизнью, въ своемъ сердечномъ порывѣ, заливать изъ чайника горячій оринъ или тлѣющу торфянную площадь,—должно тутъ и бочки, и трубы, и застуны. Вотъ почему мы не придаемъ одной школѣ спасительной силы, а молимъ и требуемъ отъ лица всего живущаго и дѣйствующаго народа, чтобы школа была школой и притомъ непремѣнно въ союзѣ съ церковью, а другія необходимыя воспособленія должны быть сами по себѣ, такъ чтобы жизнь наша была поставлена въ такія условія, которыя бы не разъединяли душу отъ тѣла, умъ отъ разума, затѣмъ тѣло отъ хлѣба, этого начального идеала всякаго живущаго на землѣ.

Но говоря такъ, какъ видите, мы вовсе не противъ школы, а за нее обѣими руками и всѣмъ сердцемъ, но только чтобы, главное, она не представляла собою указанной плошки, незашитенной отъ непогоды, поставленной среди условій, мѣшающихъ развиваться ясному чистому свѣту, заимствованному отъ церкви и науки.

Такихъ учрежденій, которыя бы могли просвѣтлять жизнь

въ смыслѣ понятномъ, досягаемомъ для населенія, и совмѣщать въ себѣ прямой отвѣтъ на запросъ этой жизни, мы не видимъ,— ихъ нѣть ни въ лицѣ волости, ни въ лицѣ уѣзднаго земскаго хозяйства, ни другихъ властей.— Всѣ только собираются и требуютъ— а за это населенію въ прокъ ничего не возвращаютъ. Мы говоримъ о такихъ учрежденіяхъ, отъ которыхъ можно было бы пользоваться научными указаніями, и хозяйственными воспособленіями къ улучшенію семейнаго и общественнаго быта, такъ чтобы, пользуясь этимъ, при извѣстномъ руководительствѣ можно было сподручно населенію утилизировать собственные силы и силы окружающей природы, и чтобы все это прямо могло вести къ прибытку и на дворѣ и въ житницѣ и въ карманѣ, и тѣмъ пробудить живой интересъ среди всего населенія къ его самодѣятельности *). Тогда уже образованіе, находясь въ союзѣ съ церковью и идя рядомъ съ развитіемъ материальнаго довольства, надежно можетъ покойиться на послѣднемъ, затѣмъ крестьянскій комфортъ, какъ послѣдующій идеалъ благоустройства, возможнаго и присущаго деревнѣ— будетъ въ перспективѣ, что, естественно, будетъ толкать и манить населеніе къ сугубому развитію собственныхъ и окружающей природы силъ.

И. Милютинъ.

396.

*). Какія именно нужно учрежденія, содѣйствующія благосостоянію— это особый вопросъ, требующій специальной разработки, что мы постараемся въ свое время, по мѣрѣ силъ, выяснить.